

УДК 391/393

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-74-82

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЗМ РОМАНА В. САНГИ
«ЖЕНИТЬБА КЕВОНГОВ»**© *Хазанкович Юлия Геннадьевна*

доктор филологических наук, профессор,

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Амосова

Россия, 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42

E-mail: hazankovich33@mail.ru

В статье анализируется роман нивхского писателя В. Санги «Женитьба Кевонгов». Делается попытка комплексного исследования этнографических аспектов в содержании романа, чтобы объяснить, как автору романа удалось прийти до самой толщи, глубины социально-исторической жизни нивхов во всей ее противоречивости. В повествовании большое место занимают легенды, мифы и предания — тылгунды (тылгуры), а также обряды, заговоры, пословицы, песни, имеющие самое непосредственное значение для раскрытия основного конфликта. Утверждается, что эта настроенность романа на «этнографизм» позволила В. Санги не просто передать специфику национальной жизни, воссоздать этнотипические характеры, раскрыть психологию нивхов и весь уклад родовой жизни, но и выстроить основной конфликт. Он связан с проблемой выживания рода, сопряжен с проблемой ответственности за судьбу рода и его продолжение. Драматичное разрешение этой проблематики оказывает воздействие на финал романа, который имеет открытый характер.

Ключевые слова: этнографические реалии; фольклор; обрядность; конфликт; выживание рода.

Нивхская литература в первую очередь ассоциируется с именем ее классика — Владимира Санги (род. в 1935 г.). В его творческом багаже многочисленные рассказы, повесть «Изгин», романы «Женитьба Кевонгов», «Ложный гон», эпическая поэма «Человек Ых-мифа» и другие. Но самое большое признание ему принес роман «Женитьба Кевонгов», который увидел свет в 1975 г. Он до сих пор вызывает споры. Исследователи подчеркивали его жанрово-стилевое своеобразие, анализировали образную систему и его пространственно-временную организацию [1; 3; 12]. Большинство критиков и литературоведов указывало на оригинальность повествования В. Санги, подчеркивая присутствие «этнографических» описаний нивхских обрядов, ритуального и бытового поведения мужчин и женщин и т. п. Этот материал воспринимался нередко как чужеродный, не имеющий конструктивной функции. С подобной точкой зрения, безусловно, нельзя согласиться, и она осталась никем не оспоренной, потому что до сих пор нет комплексного исследования этнографических аспектов в содержании романа «Женитьба Кевонгов». Наша работа призвана углубить имеющиеся положения в исследовании этого вопроса.

Необходимо объяснить использование нами понятия «художественный этнографизм», обозначающего особое явление в национальных литературах. Дело в том, что введение этнографических реалий в художественный текст далеко не механистично. В тексте они обретают новую жизнь, принимая законы художественной системы и функционируя соответственно им. Этнографические реалии осмысливаются в контексте авторского замысла, получают образное преобразование, обретая художественную функцию.

В романе имеет место органичное сочетание этнографических описаний и фольклорных заимствований. Это способствует созданию атмосферы национальной жизни, поскольку «этнография, включая в нее и народное искусство, и фольклор, донесла до нас мировоззрение не какой-нибудь определенной эпохи, а как бы в спрессованном виде всю сумму напластований за всю жизнь народности» [8, с. 4]. Именно этим обстоятельством объясняется интерес писателей к «этнографическим реалиям», отражающим жизнь их сородичей. На всех этапах развития литератур малочисленных народов Дальнего Востока дело не сводилось только к колоритному «украшению» художественного текста. Этнографический материал изначально становился конструктивным фактором сюжетно-композиционной структуры произведения. У читателя-сородича он «воскрешал-материализовывал» представления о быте и бытии этноса, его мировидении и нравственных нормах. Именно в фольклорно-этнографическом материале, по словам У. Б. Далгат, «представлена поэтическая, эмоциональная, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа» [4, с. 237–238].

Текст В. Санги насыщен легендами, сказками, преданиями, которые позволяют читателю более глубоко проникнуть в духовно-материальные традиции и менталитет нивхов. Небольшие по объему главы романа напоминают своей краткостью и законченностью нивхские предания-нагастуры. Исследователи в нивхском фольклоре выделяют две большие жанровые группы — тылгунды и настунды. Тылгунды представлены мифами и легендами, отличаются достоверностью и бытуют обычно в прозаической форме. К тылгундам относят кераинды (исторические предания о межродовых столкновениях) и нагастуры (предания).

Настунды обычно пелись: в них поэтически воспевались герои-богатыри. По содержанию они близки к богатырским сказкам. Поэтому описываемое относили к области не совсем достоверных событий. Но нивхские настунды исследователями воспринимались неоднозначно. Например, В. Пропп считал, что настунд является «эпосом самой архаичной стадии», «мифологическим» эпосом [6, с. 59]. Инвариантным в настунде был сюжет: в качестве главных героев выступали одинокий юноша или два брата и ведущим мотивом всех их действий был поиск-добывание жены. Герой настундов побеждал всех врагов, добывал жену и возвращался в родной дом. Женитьба для всех народов мира означает продление человеческого рода.

Повествование в романе «Женитьба Кевонгов» строится вокруг брачной проблемы у нивхов. Так, можно узнать, что, видимо, у нивхов не было строгого экзогамного запрета: Кевонги принадлежат к роду зятей, Авонги — их

вечные тесты. Только из рода Авонгов полагалось Кевонгам брать жен. Из текста романа становится очевидным, что до начала XX в. у нивхов еще существовало многоженство: Касказик хочет женить своего старшего сына Наукуна сразу на двух женщинах. Продолжение и сохранение рода были во все времена и остается до сих пор существенным вопросом бытия нивхов. Вот почему, решая этот вопрос, автор раскрывает национальный характер, психологию родового человека.

Какова роль легенд и преданий в раскрытии характеров главных героев романа? В какой конкретно ситуации рассказываются эти легенды? Какова их мораль? Ответы на поставленные вопросы позволят выявить функцию «этнографических» вкраплений в романе.

В. Санги, знаток нивхского фольклора, в основном использует тылгуры, традиционно имеющие особую моральную заповедь. Писатель отмечает: «В тылгурах воспеваются ум человека, его стремление к добру. Зло высмеивается и наказывается. Во многих тылгурах можно найти попытку объяснить мир. Так, два тылгура, рассказанные Касказиком, раскрывают читателю самобытность национального характера нивхов. В первую очередь тылгуры несут в себе нравственные идеи бережливого отношения к Природе, идеи братства и взаимопонимания между “человеком — животным — неживой природой”. Касказик, рассказав сыновьям — Наукуну и Ыкилаку, поучительное предание, поступает мудро: незаметно заглаживает спор ссоры сыновей, и в инсказательной форме учит их бережному отношению к окружающему миру, соблюдению традиционных обычаев нивхов» [9, с. 121]. Рассказанный тылгур с завуалированным смыслом есть проекция самобытной этнопедагогики нивхов, которой чужды упреки, прямые наставления и указания.

Второй тылгур, рассказанный Касказиком в конце романа, раскрывает «изнутри» мудрого старика из рода Кевонгов, призывающего своих сородичей не нарушать устоявшиеся веками обычаи предков — жить в дружбе, без обмана и лжи. Но реальная жизнь совсем другая. В романе «Женитьба Кевонгов» борьба за личную судьбу и судьбу рода воплощена в полном драматизма сюжете. «В связи со сложившимися обстоятельствами старик вынужден первым женить своего младшего сына Ыкилака. Молодой человек, согласно родовому сговору, сватается к девушке из рода Авонгов, которые считают себя более богатыми по сравнению с Кевонгами. Ыкилаку, согласно родовому обычаю, необходимо отстоять свое право взять в жены девушку, с которой он был еще в детстве помолвлен. Одно из испытаний — охота на медведя. Ыкилак удачно справляется с задачей. Вечером после охоты Ыкилак и братья его названной невесты, разжигают костер и начинают рассказывать тылгуры — старинные предания и легенды» [9, с. 121]. Пользуясь правом победителя на охоте, Ыкилак просит одного из братьев рода Авонгов начать. Он рассказывает тылгур о юноше-сироте, которому долго не было удачи на охоте. Но после того, как его пожалела дочь бога тайги и охоты, звери сами пошли в его ловушки, и тогда он смог взять в жены любимую девушку из семьи богатого человека. Смысл древней нивхской легенды

ясен. Ее содержание перекликается с судьбой самого Ыкилака. «Юношу из тылгура осчастливил сам бог тайги и охоты [9, с. 121] размышляет Ыкилак и заключает: «Говорят, редко кому удавалось такое счастье. Да и то в старину. Так бывает только в тылгурах...» [9, с. 138].

Сказанное героем звучит предостережением, в реальности сватовство Ыкилака заканчивается неудачей. Реальная жизнь — не тылгур. Тылгур о юноше-сироте, которого осчастливил бог Тайхнад, диссонирует с судьбой Ыкилака. В отличие от героя тылгура Ыкилаку так и не удастся увезти в стойбище красавицу Ланьгук. Добрый тылгур в силу реальности драматического бытия нивхов оказывается «перевернутым» в романе: «Зло побеждает Добро». Именно посредством тылгуров автор заостряет социально-нравственный конфликт романа, углубляя его до философского обобщения.

В авторском тексте тылгуры являются составной частью сюжета, освещают характеры и основной конфликт романа. Они органично сопряжены с описаниями обрядовой практики нивхов. Обряды, заговоры, пословицы и поговорки — все это ненавязчиво присутствует в романе как один из самых ярких «этнических признаков» духовной культуры народа. Именно так охарактеризовал описание этнографических реалий этнограф К. В. Чистов [15, с. 75].

Во второй части романа В. Санги обращается к описанию «медвежьего праздника». В чем же смысл уже ушедшего в историческое прошлое «игрищ по случаю убиенного медведя»? Этот обряд встречается у многих народов Дальнего Востока и Крайнего Севера. «Человек “первичной” культуры считал медведя существом высшего порядка, искал у него защиты от происков злых духов. Ритуальное “приобщение” к медведю (его поедание), по мифологическим представлениям, должно было дать силу человеку. Поэтому медведя обычно ели мужчины, тогда как женщинам не разрешалось даже прикасаться к медведю» [9, с. 104]. У нивхов есть поверье, что медведь является собакой их Всевышнего и, отдав свою плоть людям, он как бы доносит на девятое небо их просьбы и желания. В романе В. Санги скрупулезно описываются все составные части «медвежьего праздника», причем описываются с почти этнографической точностью: это и украшение духа медведя, и проводы его души, и обряд захоронения медведя.

Есть в тексте романа и описание ритуального обряда очищения роженицы: «Она радовалась и страшилась. Радовалась, потому что надо родить, и не просто родить — мальчика. И еще боялась непогоды, сильных морозов: три дня, если родится мальчик, и четыре, если девочка, ей с ребенком предстоит пробыть в шалаше» [9, с. 60–61]. Приоритетное значение рождения мальчика как продолжателя рода, добытчика и помощника для маленького нивхского рода очевидно. Испокон веков у многих народов рождение сына было предпочтительнее, чем рождение дочери. Естественно, что женщина, родившая сына, пользовалась большим уважением. Поэтому Талгук, жена Касказика, «должна родить сына», и сам Касказик «мучается мечтой о сыне»: «Касказика терзало желание знать, кого же принесла жена: сына? дочь?» [9, с. 146]. «Гость поехал на собаках, гость! — произнесла Псулк,

помогавшая в родах Талгук, словно в никуда: соблюдала обычаи, нельзя женщине говорить с чужим мужчиной, смотреть ему в глаза. Да и сказать, что родился в Ке-во сын, значит, выдать злым духам строго охраняемую тайну» [9, с. 117]. В соответствии с обычаями нивхами строго соблюдались и послеродовые обряды, призванные сохранить жизнь новорожденного. У нивхов (и в романе) ритуал очищения родившей женщины проводился при помощи окуривания дымом, что, видимо, связано с обожествлением огня. Далее в нивхской обрядности следовали обряды, призванные сохранить жизнь новорожденному. В романе можно наблюдать родильную обрядность, состоящую из нескольких этапов, неукоснительно выполняемую родителями и призванную оберегать здоровье женщины и сохранять жизнь новорожденного.

Текст романа В. Санги содержит пословицы. Так, нивхская пословица: «Чем горестнее молва, тем быстрее полет» [9, с. 42] — очень точно рисует состояние рода, о котором знали «даже в самых отдаленных уголках земли нивхской и не отдавали своих дочерей за Кевонгов». Включив пословицы и поговорки в текст своего романа, В. Санги прежде всего использовал их как средство раскрытия конфликтной ситуации. При этом он не трансформирует их изначальную форму, оставляя в оригинальном звучании и сохраняя смысл. И в этом мы тоже усматриваем своеобразие творческого осмысления В. Санги фольклорно-этнографического материала.

Роман также изобилует различными заговорами. Так, в романе есть текст «наговора», имеющего цель обмануть щук. Касказик называет рыбу иносказательно «старушечки», иначе рыба узнает о его намерениях и заблаговременно уйдет в другие места, обойдет ловушки, не станет его добычей. [9, с. 65].

Особым средством художественного изображения в романе В. Санги являются песни. Они функционально направлены на раскрытие внутреннего мира героев, взаимоотношений друг с другом и миром в целом. Подчеркивая чистоту, ранимость и хрупкость юной Ланьгук, В. Санги любовно наделяет ее песни нежностью интонаций, лиризмом и грустью:

Чтобы в долгом пути ты не встретил беды...

Шью тебе торбаза я...

Упадет на землю птенчик...

Пух и перья полетят...

Где же тот, кто в небо бросит

Неокрепшего птенца... [9, с. 83].

Гармонично введены в художественный текст любовные лирические песни, песни-импровизации старейшин рода, что углубляет национально-этнографический колорит романа. Каждая из них имеет свое назначение в структуре романа. Так, песня юной Ланьгук — выражение внутреннего мира и переживаний. Слова песни соотносятся с образом девушки. Песня Ланьгук — лирическая, но ее содержание диссонирует с происходящими в повествовании событиями. От любовных лирических песен качественно отличаются песни старейшин. Это песни эпического характера с описанием жиз-

ни своих народов. Печальным, глухим голосом повествует о жизни своего рода старик Касказик:

Быть бы всегда нам могучими, сильными.
Нет, отвернулись добрые духи.
Видишь ты сам — здесь не нужен глаз юноши —
дерево гибнет, остались две ветви...
Сердце дорогу свою не забудет.
Травы всегда будут к солнцу тянуться,
Рода Кевонгов не будет... [9, с. 56].

Использование писателем разнообразных по содержанию и ритмике, языку и форме исполнения песен позволяет усилить эмоциональную окраску произведения. Песни-импровизации в романе В. Санги сохраняют дух и стиль традиционной нивхской песни, в которой каждый исполнитель выступает автором своего произведения, повествуя о том, что видит и что интересует его слушателей.

Автор романа с помощью фольклорно-этнографического материала добивается правдивости в передаче родовой психологии, в обрисовке характеров и конфликтов, типичных для нивхского сообщества на определенном историческом этапе. В «Женитьбе Кевонгов» В. Санги пытается воссоздать во всей целостности картину жизни нивхов незадолго до первой революции в России. Содержание романа не сводилось только к объяснению причины обреченности рода на вымирание. Оно намного глубже — в раскрытии трагической судьбы рода и роли человека родовой общности и психологии в обществе. Этим объясняется выбор действующих персонажей: это вымирающий нивхский род Кевонгов, представленный стариком Касказиком, его женой Талгук и сыновьями Ыкилаком и Наукуном. Через судьбу конкретного рода, по словам Л. Ханбекова, показана «историческая судьба всего нивхского народа» [14, с. 297]. Проблема выживания рода в романе В. Санги оказывается сопряженной с проблемой ответственности за судьбу рода, его продолжение, драматичное разрешение которой определяет трагическую тональность финала романа.

В романе показано, что идиллия родовой жизни нарушена. Впервые старик Касказик познает «диалектику жизни», когда происходит нападение каторжан на стойбище, затем — встреча с алчными купцами. Трагические события выявили такую грань национального характера нивхов, как отсутствие мстительности к явлению недоброжелательному. Темное и светлое, Добро и Зло органично входят в родовую жизнь рода Кевонгов и паритетно согласовано членами родового общества. Согласно фольклорному мотиву, Добро всегда побеждает Зло, и вера в это становится определяющей чертой национального характера Касказика. Но именно это и предопределяет трагический исход родовой жизни нивхов. В «вечный» и «понятный» мир Добра ворвался мир денег, алчности и наживы, столь циничный и непонятный нивхам. Понимание этого приходит к Касказику поздно: он осознает, что самое страшное Зло на земле — это человек, ослепленный жаждой наживы. В. Санги доносит до читателя «открытие» Касказика посредством

тылгугов, которые через систему противопоставлений играют в романе структурно-композиционную роль. Этнотипические характеры в романе представлены не только мужскими образами, но и образом северной Женщины. Он далеко не случаен: в религиозном сознании нивхов и их фольклоре образ женщины — один из наиболее устойчивых [13]. Заметим, что «женская тема» не вызвала отклика у литературоведов. Быть может, женский типаж был далек от знакомой «положительной героини» и «общественной труженицы», «принижен» бытом и лишен «раздвоенности сознания». Кодекс поведения женщины — хранительницы очага, а именно такова ее социальная роль в родовом обществе, становится одной из форм психологического анализа. Каждое слово, поступок женщины тонко нюансированы национальной этикой и обретают в романе характерологическое качество. В романе В. Санги героини живут всецело Настоящим, реализуя себя как женщины-матери, жены, «старательные и расторопные хозяйки». Это особый тип женщины, который совершенно не характерен для других литератур. Вечная труженица в чуме, неутомимая мастерица, «ловкая во всякой работе» — обобщенный портрет героинь романа В. Санги «Женитьбы Кевонгов». Национальными чертами женского характера являются строгость, сдержанность, молчаливость, кротость и покорность. Она «тихо входит в дом» мужа, «делает все тихо и не слышно», «без резких движений», «не шумит» и «не суетится». Чувство времени для Талгук и Ланьгук сосредоточено в настоящем, они живут во имя настоящего и неотдаленного будущего, совершенно не задумываясь над течением времени и замечая его ход лишь с появлением детей, началом и концом промысла, началом голодной зимы и ее окончанием.

Такая «первичная философия» жизни нивхов всецело определяет ценностную мироориентацию и сознание родового человека, которые вошли в трагическое противоречие с рациональной эпохой. Ядром драматического конфликта романа А. Михайлов обозначил «непримиримую борьбу благородства и низости, чести и подлости, доброты и корысти» [5, с. 52]. Столкновение с купцами, по словам М. Соболевой, создает «остродраматический эффект» в повествовании [12, с. 503]. Столкновение с «пришлыми людьми, борьба с отступническими от вековой морали родом Нгансвонгов позволило автору романа “материализовать” конфликт» ценностей. Столкнувшись с «чужаками», Касказик самым активным образом защищает «онтологически укорененное» родовое бытие, родовые законы и мораль. Драматический эффект усиливается тем, что В. Санги подчеркивает «неотступность» Касказика, выражающуюся в вере, что нравственным Поступком может быть сохранена и восстановлена гармония родовой жизни. Его ошибка трагична: стремление Касказика сохранить законы родовой жизни и морали в архаичной форме, сохранить вопреки всему, ставит вообще под сомнение физическое выживание рода Кевонгов в целом. Потерпев поражение в борьбе с разрушительной силой и звероподобной хитростью людей, Касказик остается одиноким, драматично вопрошая: «Что же произошло, люди? Что случилось в этом мире? Что случилось, люди?».

Открытый финал романа В. Санги «Женитьба Кевонгов», оттененный содержанием нивхских тылгуров, характерен для философской прозы. Открытая концовка романа прямо указывает на «схватывание» автором самой толщи, глубины социально-исторической жизни нивхов во всей ее противоречивости. Эта настроенность романа на «этнографический контекст» позволила В. Санги передать специфику национальной жизни, выстроить основной конфликт, воссоздать этнотипические характеры, раскрыть психологию нивхов и весь уклад родовой жизни.

Литература

1. Бикмухаметов Р. Г. Орбиты взаимодействия. М.: Советский писатель, 1983. 238 с.
2. Власенко А. Расцвет. О современной литературе народов РСФСР. М.: Советская Россия, 1984. 220 с.
3. Вуколов В. Владимир Санги. М.: Советская Россия, 1988. 150 с.
4. Далгат У. Б. О фольклорном этнографическом контексте литературного произведения // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М.: Наука, 1975. С. 233–246.
5. Михайлов А. К. Ускорение: литературно-критическое исследование. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1984. 112 с.
6. Отаина Г. А. Жанровая специфика нивхских н`астундов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 53–60.
7. Пошатаева А. Литературы народов Севера. М.: Наука, 1988. 167 с.
8. Рыбаков В. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 3–31.
9. Санги В. М. Женитьба Кевонгов // Санги В. У истока: романы, повести, рассказы. М.: Современник, 1984. 509 с.
10. Санги В. М. Легенды Ых-мифа. М., 1967. 224 с.
11. Смольников И. Современные легенды. М.: Современник, 1975. 174 с.
12. Соболева М. Основоположник нивхской литературы // У истоков. М.: Современник, 1984. С. 499–508.
13. Фадеева Е. В. Образ женщины в религиозном сознании и фольклоре материковых нивхов и нивхов о. Сахалин // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 178–183.
14. Ханбеков Л. Открытое сердце народа // Санги В. Женитьба Кевонгов. М.: Современник, 1978. С. 296–302.
15. Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская этнография. 1972. № 3. С. 73–85.

ARTISTIC ETHNOGRAPHY OF NOVEL BY V. SANGI
«MARRIAGE OF KEVONGS»

Yulya G. Khazankovich
Dr. Sci. (Phil), Prof.,
North-Eastern Federal University
42 Kulakovskogo St., Yakursk 677000, Russia

The article analyzes the novel by the Nivkh writer V. Sangi “The Marriage of the Kevongs”. An attempt is made to study the ethnographic aspects of the content of the novel in order to explain how the author managed to reach the very depth of the Nivkh social and historical life in all its contradictions. Big part of the text consists of ceremonies, conspiracies, proverbs, songs that have the most direct significance for the disclosure of the main conflict. This mood of the novel on the “ethnographic context” allowed V. Sangi not only to convey the specifics of national life, recreate ethnotypic characters, reveal the psychology of the Nivkhs and the whole pattern of tribal life, but also to build the main conflict. It is associated with the problem of the survival of the kind, and is associated with the problem of responsibility for the fate of the kind and its continuation. The dramatic resolution of this issue has an impact on the novel finale, which has an open character.

Keywords: ethnographic realities; folklore; ritualism; conflict; survival of kind.